

*С любовью посвящаю эту книгу
Стэну Райсу, Карен О'Брайен и Аллену Даво*

Центр города
Субботний вечер
XX век
1984

Я — вампир Лестат. Я бессмертен. В определенной степени, конечно. Солнечный свет или сильный жар от огня вполне способны меня уничтожить. Но могут и не причинить мне никакого вреда.

Мой рост — шесть футов, и в 1780-е годы, когда я был еще вполне обыкновенным смертным молодым человеком, он производил довольно сильное впечатление. Впрочем, я и сейчас выгляжу неплохо. Мои густые, немного не достающие до плеч светлые вьющиеся волосы при искусственном освещении кажутся совершенно белыми. Глаза у меня серые, но в зависимости от окружающей обстановки легко принимают голубой или лиловый оттенок. У меня небольшой тонкий нос, но рот, хотя и красиво очерченный, кажется несколько великоватым. Рот мой, однако, способен придавать лицу выражение как самой низкой подлости, так и поистине удивительного благородства — он всегда выглядит чувственным. Все мои чувства и эмоции, мое отношение ко всему происходящему отражаются на моем чрезвычайно подвижном лице.

Моя вампирская сущность проявляется в неестественной белизне лица и на редкость чувствительной коже, которую я вынужден густо припудривать перед любыми съемками.

Когда же меня начинает одолевать жажда крови, я выгляжу просто ужасно: кожа моя делается морщинистой, из-под нее выпирают кости и набухают толстые, как веревки, вены. Но на людях я не допускаю ничего

подобного, и единственным свидетельством моего нечеловеческого естества являются ногти. Это общее свойство всех вампиров: наши ногти напоминают стеклянные, и это часто бросается людям в глаза, даже если ничто другое им не кажется странным.

В настоящее время я, как говорят в Америке, рок-звезда. Мой первый альбом разошелся тиражом в четыре миллиона экземпляров. Я отправляюсь в Сан-Франциско, откуда начнется большое турне моей группы по всей стране — от побережья до побережья. Вот уже две недели подряд кабельный рок-канал MTV днем и ночью крутит мои видеоклипы. Их также показывали в Англии, в программе «Top of the Pops», еще на континенте, кое-где в Азии и в Японии. Видеокассеты со сборниками моих клипов продаются по всему миру.

Ко всему прочему я являюсь и автором вышедшей на прошлой неделе моей собственной биографии.

Что касается английского — а именно на этом языке написана автобиография, — то моим первым учителем в нем был человек, двести лет назад приплывший в Новый Орлеан по Миссисипи на плоскодонке. После, в течение многих десятилетий, я продолжал учиться у англоязычных писателей — у всех, начиная с Шекспира и Марка Твена и вплоть до Райдера Хаггарда. Завершающие штрихи в свое знание языка я внес уже в самом начале XX века, читая детективные рассказы в журнале «Черная маска». Последним, что я прочел, прежде чем буквально и фигурально уйти под землю, были опубликованные в «Черной маске» рассказы Д. Хэмметта о приключениях Сэма Спейда.

Это произошло в 1929 году в Новом Орлеане.

Когда я пишу, я заглядываю в словарь и пользуюсь той лексикой, которая была свойственна мне в восемнадцатом веке, а также выражениями и даже целыми фразами, почерпнутыми у тех писателей, произведения которых мне приходилось читать. Но, несмотря на французский акцент, речь моя представляет собой нечто

среднее между речью хозяина плоскодонки и речью детектива Сэма Спейда. А потому, я надеюсь, вы простите меня, если стиль мой не всегда окажется гладким. Или в тех случаях, когда я в своем повествовании вдребезги разбиваю атмосферу восемнадцатого века.

Я появился в двадцатом веке лишь в прошлом году. Заставили меня сделать это две вещи. Во-первых — та информация, которую распространяли разного рода голоса, какофония которых началась примерно в то время, когда я погрузился в сон, и с тех пор расходилась все шире и шире.

Я, конечно же, имею в виду радио, фонографы и появившиеся позднее телевизоры. Голоса радио доносились до меня из автомобилей, проносившихся по старому Садовому кварталу недалеко от того места, где я лежал. Звуки фонографов и телеприемников я слышал из расположенных поблизости домов.

Должен сказать, что, когда вампир, как мы говорим, уходит в подполье, затаивается, то есть перестает пить кровь и лежит под землей, он быстро теряет силы и становится слишком слабым, чтобы возродиться самостоятельно, — для него наступает период сна.

Именно в таком состоянии я, поначалу вяло и инертно, воспринимал звучавшие отовсюду голоса, соединяя их с жившими в моем воображении образами, подобно тому как делают это во сне все смертные. Но в какой-то момент за прошедшие пятьдесят пять лет я начал вдруг «вспоминать» все, что слышал, следить за развлекательными программами, прислушиваться к сводкам новостей, интересоваться популярными мелодиями и ритмами.

Постепенно до меня начали доходить масштабы происшедших в мире перемен. Я стал с особым вниманием прислушиваться к той информации, которая касалась разного рода войн, новых открытий и изобретений, старался запомнить новые слова и выражения, усвоить современный стиль речи.

Наконец ко мне вернулось сознание. Я понял, что больше не сплю. Я размышлял над услышанным. Я окончательно проснулся. Я лежал под землей и страстно жаждал живой крови. Я начинал верить, что все полученные мной старые раны уже зажили. Возможно даже, что за прошедшее время силы мои увеличились, как бывало это всегда, однако прежде мне никогда не приходилось получать серьезные повреждения. Мне не терпелось поскорее выяснить это.

Мысль о необходимости напиться человеческой крови стала преследовать меня постоянно.

Второй — и, надо сказать, главной — причиной моего пробуждения стало неожиданное появление возле меня группы рок-музыкантов, которая называлась «Бал Сатаны».

В 1984 году они поселились и начали репетировать в доме на Шестой улице, меньше чем за квартал от моего дома на Притания-стрит — что неподалеку от кладбища Лафайет, — под фундаментом которого я пролежал все эти годы.

До меня доносилось завывание электрогитар, я слышал громкое и эмоциональное пение. Должен сказать, что музыка их была ничуть не хуже, чем та, которую мне приходилось слышать по радио, а зачастую и более мелодична. Несмотря на оглушительный грохот барабанов, в их музыке и пении присутствовали поэзия и чувство. А электрическое пианино звучало совсем как клавикорды.

Из прочитанных мною мыслей музыкантов я сумел узнать, что видели они, глядя друг на друга и смотрясь в зеркало, и таким образом составил себе представление о том, как они выглядели. Это были стройные, мускулистые и в целом весьма симпатичные юные смертные. Их было трое — двое юношей и одна девушка, но одевались и вели они себя несколько по-варварски и так, что порой трудно было определить, кто есть кто.

Когда они играли, их музыка заглушала все другие звуки вокруг меня. Я, однако, ничего не имел против.

Мне хотелось встать и присоединиться к рок-группе под названием «Бал Сатаны». Мне хотелось самому петь и танцевать.

Нельзя сказать, что мое желание было обдуманном с самого начала. Скорее это можно назвать инстинктивным импульсом, достаточно сильным, чтобы заставить меня покинуть подземное убежище.

Мир рок-музыки заморозил и очаровал меня — я восхищался тем, как эти певцы вопят во все горло о добре и зле, провозглашают себя то ангелами, то дьяволами, а окружающие их смертные при этом веселятся. Иногда казалось, что они просто безумны. Однако выступления их всегда поражали технической сложностью и великолепной организацией. Думаю, что за всю историю своего существования мир не видел ничего подобного — такого удивительного сочетания дикого варварства и интеллекта.

Конечно же, это все были метафоры, выдумки. На самом деле никто из них не верил ни в ангелов, ни в дьяволов, хотя роли свои они исполняли великолепно. Столь же шокирующими, изобретательными и непристойными были когда-то персонажи старой итальянской комедии масок.

И все же это было нечто совершенно новое. Я имею в виду те крайности, до которых они доходили в своей игре, словно бросая грубый вызов обществу, — а члены этого общества, от самых богатых до самых бедных, принимали их и восхищались ими.

К тому же в рок-музыке было что-то вампирическое. Даже те, кто не верил в сверхъестественное, воспринимали ее звучание как нечто необыкновенное. Я говорю о том, как с помощью электричества можно до бесконечности тянуть одну ноту, о том, как одна гармония накладывается на другую, пока наконец вы не почув-

ствуετε, что буквально растворяетесь в звуках. Ничего подобного и ни в какой форме в мире прежде не было.

Да, я хотел оказаться как можно ближе к этому. Я сам хотел заниматься этим и, возможно, сделать никому не известную группу «Бал Сатаны» знаменитой. Я готов был возродиться к жизни.

Процесс моего воскрешения длился около недели. Я пил свежую кровь мелких зверьков, живших под землей, — любых, каких только удавалось поймать. Потом начал потихоньку выбираться на поверхность, где можно было раздобыть крыс. Теперь для меня не представляло трудности отлавливать кошек, а там и рукой было подать до настоящей человеческой жертвы, хотя мне пришлось ждать довольно долго, пока наконец я нашел то, что нужно, — человека, который убивал других смертных и не испытывал при этом ни сожаления, ни раскаяния.

В конце концов такой человек появился. Еще молодой мужчина с подернутой сединой бородой, убивший себе подобного далеко отсюда, на другом краю света, шел возле самой ограды. О, это был настоящий убийца. Как прекрасен был вкус настоящей человеческой крови!

Украсть необходимую одежду из близлежащих домов и достать спрятанные мною на кладбище Лафайет золото и драгоценности не представляло проблемы.

Кое-что меня, конечно же, иногда пугало. Запах бензина и химикатов вызывал у меня слабость. Гудение кондиционеров и рев моторов реактивных самолетов над головой казались оглушительными.

Но уже на третью ночь после своего воскрешения я с шумом и грохотом гонял по Новому Орлеану на большом черном мотоцикле «харлей-дэвидсон» в поисках других убийц, чтобы напиться их крови. На мне была одежда из блестящей черной кожи, которую я снял со своих жертв, а в кармане лежал плеер фирмы «Сони», из наушников которого мне в уши лились пре-

красные звуки фуги Баха, неизменно сопровождавшие меня в метаниях по городу.

Я вновь стал прежним вампиром Лестатом. Я вернулся к активной жизни. Новый Орлеан вновь превратился в территорию для охоты.

За прошедшие годы силы мои утроились. Я с легкостью мог взлететь с тротуара на крышу четырехэтажного дома. Я способен был сдергивать с окон железные решетки. Мог согнуть пополам медное пенни. При желании я мог слышать человеческие голоса и улавливать мысли на расстоянии нескольких кварталов.

К концу недели у меня появился свой адвокат — симпатичная женщина, чья контора находилась в одном из небоскребов из стекла и металла в деловой части города и которая помогла мне оформить по всем правилам вполне легальные свидетельство о рождении, карточку социального страхования и водительские права. Значительная часть моего состояния, хранившаяся на кодированных счетах бессмертного Лондонского банка и банка Ротшильда, была уже на пути в Новый Орлеан.

Но самое главное, я буквально купался в новых впечатлениях и убедился в том, что все, что мне рассказывали относительно двадцатого века слышанные мною голоса, — правда.

Вот что мне удалось увидеть во время своих странствований по Новому Орлеану в 1984 году.

Темный и мрачный индустриальный мир, который я покинул, засыпая, наконец исчерпал себя, свойственные буржуазии благоразумие, осторожность и упорядоченность жизни перестали оказывать влияние на умы американцев.

Как и в старые добрые времена, до великих буржуазных революций конца восемнадцатого века, людьми вновь владела любовь к приключениям и эротическим наслаждениям. Они даже выглядели так же, как в старину.

Мужчины больше не носили, подобно Сэму Спейду, традиционный наряд, состоявший из серого костюма, рубашки с галстуком и серой шляпы. Они вновь наряжались в шелк и бархат ярких цветов, если, конечно, сами того хотели. Им не было нужды стричь волосы, как римским солдатам, и они носили такие прически, какие им нравились.

А женщины... о, женщины были поистине прекрасны в своей едва ли не наготе. Окутанные весенним теплом, одетые в коротенькие юбочки или похожие на туники платья и даже, если им того хотелось, в мужские рубашки и брюки, плотно облегающие их округлые формы, они напоминали египетских женщин во времена фараонов. Они красились и надевали золотые и серебряные украшения, даже если отправлялись в бакалейную лавку. Но даже без косметики и украшений они все равно оставались прекрасными. Некоторые завивали волосы, как в эпоху Марии-Антуанетты, другие позволяли локонам свободно и естественно струиться по плечам или коротко стригли их.

Наверное, впервые в истории человечества женщины были столь же сильны и интересны как личности, сколь и мужчины.

И все это были простые американцы, отнюдь не те богачи, которые в прежние времена обладали изнеженными манерами и стремились ко всякого рода радостям жизни и которых буржуазные революционеры в прошлом называли декадентами.

Чувственность, бывшая в прежние времена неотъемлемой чертой старой аристократии, теперь была свойственна всем. Она тесно переплелась с достижениями буржуазной революции, и теперь каждый человек имел право на любовь, роскошную жизнь и обладание разного рода изящными безделицами.

Универмаги превратились в дворцы, поражающие почти восточной красотой, где товары располагались по соседству с мягкими красочными коврами, таинствен-

ной музыкой и освещались янтарным светом. В круглосуточно работающих аптеках на стеклянных полках, словно драгоценные камни, поблескивали фиолетовые и зеленые бутылки с шампунем. Официантки ездили на работу в обтекаемой формы автомобилях с кожаными сиденьями. Докеры возвращались вечером в свои дома, где их ждали собственные бассейны с подогретой водой. Уборщицы и водопроводчики в конце рабочего дня переодевались в великолепно сшитою на заказ одежду.

С незапамятных времен присущие всем крупным городам мира бедность и нищета практически исчезли.

Едва ли теперь можно было увидеть, как падает где-нибудь на аллее парка и умирает от голода бедный иммигрант. Не было больше трущоб, где в одной комнатухе спали по восемь-десять человек. Никто не выплескивал помои в сточные канавы. Нищих, калек, сирот и неизлечимо больных людей осталось так мало, что казалось, будто на этих бесконечных улицах их нет вовсе.

Даже у спавших на скамейках парков и на автобусных остановках пьяниц и сумасшедших всегда были еда, чистая одежда, а у некоторых и радиоприемники.

Таковы были внешние изменения. Однако еще больше поразили меня перемены, которые стали движущей силой этого внушающего истинное благоговение потока жизни.

Так, например, нечто невероятное произошло с временем.

Старое больше не уступало место новому. Напротив, вокруг меня говорили по-английски точно так же, как и в 1800-х годах. По-прежнему была в ходу старая лексика, люди пользовались все тем же сленгом. Но появились и новые, прежде неизвестные мне выражения — «промывание мозгов», «ну чисто по Фрейдю» и тому подобные, — которые тем не менее были у всех на устах.

В мире искусства и развлечений достижения прошлых веков как бы возвращались снова и снова. Наряду с джазом и роком музыканты исполняли произведения Моцарта; сегодня вечером люди шли смотреть пьесе Шекспира, а завтра — новый французский фильм.

В огромном, ярко освещенном торговом центре можно было купить кассеты с записями средневековых мадригалов, чтобы потом вставить их в автомагнитогу и наслаждаться, мчась по шоссе со скоростью девяносто миль в час. На полках книжных магазинов стояли рядом сборники поэзии эпохи Возрождения, издания произведений Диккенса и Эрнеста Хемингуэя. Руководства по проблемам секса соседствовали с египетской Книгой мертвых.

Иногда мне казалось, что царящие вокруг чистота и благосостояние не более чем галлюцинации. Создавалось впечатление, что я схожу с ума.

Я тупо разглядывал выставленные в витринах магазинов компьютеры и телефонные аппараты таких совершенных форм и чистых цветов, что казалось, будто это прекрасные раковины, созданные самой природой. По узким улочкам Французского квартала курсировали огромные лимузины, похожие на сказочных морских чудовищ. Высокие сверкающие здания офисов и контор, словно египетские обелиски, устремлялись в вечернее небо над приземистыми кирпичными строениями Кэнал-стрит. Бесчисленное множество телевизионных каналов с несметным количеством программ вышлескивали бесконечный поток информации на головы обитателей оборудованных кондиционерами номеров отеля.

Однако все это не было галлюцинациями. Этот век в полной мере и во всех отношениях унаследовал мировые достижения прошлого.

Одной из важнейших черт столь удивительного чуда была поистине редкостная наивность этих живших

в роскоши и абсолютно свободных людей. Так же как и в восемнадцатом веке, христианский Бог был мертв. На смену прежней религии не пришла никакая другая.

Напротив, простые люди в этом веке жили по строжайшим законам светской морали и следовали им не менее неукоснительно, чем любым известным мне религиозным установкам прошлого. Интеллигенция служила образцом во всех отношениях. Однако самые обыкновенные американцы по всей стране с удивительной страстью и каким-то, я бы сказал, мистическим усердием заботились о «мире», «бедных» и о «планете».

В этом веке они намеревались избавиться от голода. Они собирались любой ценой победить болезни. Величественные споры о целесообразности казни преступников, о допустимости абортов. А с угрозой «загрязнения окружающей среды» и «разрушительных войн» они боролись столь же яростно, сколь в прежние времена с колдовством и ересью.

Что же касается сексуальных отношений, то они перестали быть предметом страхов и предрассудков. С этого вопроса были сняты последние религиозные ограничения. Вот почему люди уже не стеснялись ходить полуодетыми. Вот почему они беззастенчиво обнимались и целовались прямо на улицах. Теперь они рассуждали об этике, об ответственности, о красоте человеческого тела. Держали под контролем рождаемость и венерические болезни.

Ах этот двадцатый век! О, поворот великого колеса времени! Он далеко превзошел мои самые смелые мечты о будущем. Он оставил в дураках всех мрачных предсказателей и провидцев прошлых веков.

Я много размышлял о лишенной греховности светской морали, о человеческом оптимизме, об этом великодушном мире, где наивысшее значение имеет жизнь человека. В прежние времена ничего подобного не было.

Я сидел в просторном, освещенном мягким янтарным электрическим светом номере отеля и смотрел потрясающий, мастерски сделанный фильм «Апокалипсис сегодня». Это была поистине симфония звуков и красок, воспевающая вековой давности битву западного мира со злом. «Ты должен смириться и встать на сторону ужаса и морального террора», — говорит в джунглях Камбоджи безумный командир одному из представителей западного мира. «Нет», — неизменно отвечает тот.

Нет. Ужас и моральный террор не могут быть оправданы. Они не представляют никакой ценности. Злу не может быть места.

Но ведь это означает, что и мне не может быть места.

Кроме разве что произведений искусства, отвергающих зло, — таких, например, как романы о вампирах и разного рода ужасах, средневековые сказания или оглушительные песнопения рок-звезд, предельно драматизирующие ту борьбу со злом, которую ведет в душе каждый смертный.

Всего этого было вполне достаточно, чтобы заставить старое чудовище спрятаться обратно под землю и оплакивать там свое полнейшее несоответствие тому, что происходит в мире, свою непригодность к современному положению вещей. Или достаточно для того, чтобы по здравом размышлении превратиться в рок-музыканта...

Но где же тогда сейчас находятся остальные чудовища старого мира? Этот вопрос не давал мне покоя. Как же существуют остальные вампиры в мире, где каждая смерть регистрируется в гигантской электронной памяти компьютеров, а тела хранятся в огромных холодильниках-склепах? Быть может, они, как и прежде, прячутся по темным щелям, словно отвратительные на-

секомые, независимо от исповедуемой ими философии и количества злодеяний.

Что ж, как только мой голос зазвучит в составе маленькой группы под названием «Бал Сатаны», они рано или поздно выползут на свет.

Тем временем я продолжал свое образование. Беседовал со смертными на автобусных остановках, на заправочных станциях, в элегантно оформленных питейных заведениях. Читал книги. Наряжался в сверкающую кожу в самых модных магазинах. Носил рубашки с высокими воротниками и пиджаки цвета хаки в стиле сафари или бархатные блейзеры с кашемировыми шарфами. Я густо пудрил лицо, чтобы хорошо чувствовать себя под яркими огнями освещения супермаркетов, ресторанов и на карнавалю украшенных улицах, где располагались разного рода ночные клубы.

Я познавал мир. Я был влюблен. Единственная проблема состояла в том, что убийцы, чьей кровью я питался, встречались на моем пути не слишком часто. Это был мир наивности и невинности, сытости и изобилия, доброты и веселья. Встречавшиеся в прошлом практически на каждом шагу воры и разбойники теперь почти исчезли.

Вот почему мне приходилось бороться за существование. Но по натуре я всегда был охотником. Мне нравились заполненные табачным дымом бильярдные, где вокруг единственного ярко освещенного пятна — зеленого стола — собирались бывшие заключенные с татуировками на теле; я любил бывать в расположенных в больших, выстроенных из бетона отелях, в сияющих огнями ночных клубах с обитыми шелком стенами. Я узнавал все больше и больше о милых моему сердцу убийцах — о торговцах наркотиками, о сводниках и бандитах, которые собирались в большие компании рокеров.

Все больше и больше укреплялся я в своем решении никогда не пить невинную кровь.

И вот наконец настало время поближе познакомиться с моими старинными соседями — с рок-группой «Бал Сатаны».

Жарким и душным субботним вечером в половине седьмого я позвонил в дверь музыкальной студии. Красивые молодые ребята, одетые в шелковые рубашки и хлопчатобумажные брюки, лежали кто где, курили гашиш и жаловались на несправедливость судьбы, пославшей им полный провал выступлений на юге.

Чисто вымытые длинные густые волосы и плавные движения делали их похожими на библейских ангелов, а украшения на них были в египетском стиле. Лица и глаза у всех были накрашены даже на репетиции.

Один их вид привел меня в неопишемое возбуждение, и меня буквально захлестнула любовь к ним — к Алексу, Ларри и к маленькой толстушке Таф Куки.

И в этот торжественный момент, когда, казалось, весь мир вокруг меня замер, я поведал им, кто я такой на самом деле. В слове «вампир» для них ничего нового и необычного не было. В том мире, в котором они существовали, тысячи певцов вставляли себе бутафорские клыки и наряжались в черные плащи.

И все же было так странно беседовать на столь запретную тему со смертными. Впервые за прошедшие двести лет я заговорил об этом с кем-либо, кто не должен был вскоре стать одним из нас. Даже своим жертвам в последний миг их жизни я не признавался в том, кто я есть.

Теперь же я четко и ясно высказал правду в присутствии этих милых молодых людей. Я сказал, что хочу петь вместе с ними, что, если они доверятся мне, я сделаю их богатыми и знаменитыми, что благодаря своему

беспредельному честолюбию я беспощадно смету все преграды и вытащу их из этой комнаты в большой мир.

Они смотрели на меня затуманенными глазами. И вдруг эти покои двадцатого века, слепленные из картона и штукатурки, задрожали от веселого смеха.

Я был терпелив. Да и мог ли я вести себя иначе? Я-то знал, что я демон, способный изобразить любое движение и воспроизвести любой звук. Но разве им дано было понять это? Подойдя к электрооргану, я заиграл и запел.

Сначала я исполнил несколько рок-композиций, потом стал вспоминать старинные мелодии — французские песни, хранившиеся все эти годы где-то в тайниках моей памяти, но отнюдь не забытые. И вот я заорал их в каком-то невероятно диком ритме, а перед моими глазами возник заполненный публикой маленький парижский театр — такой, каким был он несколько веков назад. Во мне вскипели опасные страсти, угрожавшие нарушить мое душевное равновесие. Мне не нравилось, что это случилось так быстро. Тем не менее я продолжал петь, изо всех сил барабая по хрупким белоснежным клавишам электрооргана, и душа моя словно раскрывалась. И пускай стоявшим возле меня смертными существам не дано было понять это...

Стоит ли удивляться тому, что они ликовали, что им нравилась моя мрачная, лишенная гармонии музыка, тому, что они вопили от восторга, видя перед собой блестящие перспективы и чувствуя вдохновение, которого им недоставало прежде. Они включили магнитофоны, и мы стали петь вместе. Студия наполнилась оглушительным ревом и буквально утонула в запахе их крови.

Но потом произошло нечто такое, о чем я не мог помыслить даже в самых фантастических снах, нечто столь же невероятное, как и сделанное мною признание перед смертными. Я был буквально ошеломлен и едва не покинул этот мир, едва не спрятался обратно под землю.

Не думаю, что я готов был вновь впасть в оцепенение. Но я вполне способен был покинуть «Бал Сатаны» и отправиться на несколько лет странствовать по миру, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями.

Молодые люди — стройный барабанщик по имени Алекс и его брат, высокий блондин Ларри, — услышав, что я назвал себя Лестатом, заявили, что им знакомо мое имя.

Они вспомнили не только имя, но и ту информацию, которую они получили обо мне из книги.

Им показалось поистине восхитительным, что я не пытался выдать себя за какого-либо никому не известного вампира. Или за графа Дракулу. От графа Дракулы всех уже просто тошнило. Они сочли великолепным тот факт, что я прикидывался именно вампиром Лестатом.

— Прикидываюсь вампиром Лестатом? — переспросил я.

Мое недоумение показалось им смешным, так же как и мой французский акцент.

Я долго и пристально вглядывался в лица молодых людей, пытаясь прочесть их мысли. Конечно же, я не рассчитывал на то, что они поверят, будто я и в самом деле настоящий вампир. Но каким образом и где могли они прочесть о вампире с таким редким именем, как у меня? Как можно это объяснить?

Я начал терять уверенность в себе. А с потерей уверенности я утрачивал и значительную часть своих сил и возможностей. И без того небольшое помещение стало казаться мне еще меньше, а в окружавших меня инструментах, усилителях и проводах виделась какая-то угроза.

— Покажите мне эту книгу, — попросил я.

Из соседней комнаты они принесли небольшой, рассыпающийся на части томик без переплета, с порванными страницами, перетянутый резинкой.

При виде названия на титульном листе томика я почувствовал, как на меня пахнуло могильным холодом. «Интервью с вампиром»... Что-то там о смертном юноше, пристающем к бессмертному с просьбой рассказать историю своей жизни.

Испросив разрешения у хозяев, я ушел в соседнюю комнату и там, растянувшись на их кровати, углубился в чтение. Дочитав до половины, я закрыл книгу и, прихватив ее с собой, вышел из дома. Пристроившись под одним из уличных фонарей, я замер и не двинулся с места до тех пор, пока не дочитал книгу до конца. Потом аккуратно положил потрепанный томик в нагрудный карман.

Целую неделю я не появлялся и не давал о себе знать ребятам из рок-группы.

Большую часть этого времени я скитался, разрезая тишину ночи ревом своего «харлей-дэвидсона» и на полную громкость включив вариации Баха. «Лестат, что же ты собираешься делать теперь?» — беспрестанно спрашивал я себя.

Оставшееся время я посвятил самообразованию в интересующей меня области. Я перечитал огромную кипу всякого рода литературы и справочников по рок-музыке, биографий рок-звезд. Я прослушивал их аудиоальбомы и просматривал видеозаписи их концертов. А в тишине проведенных в одиночестве ночей слышал голоса персонажей «Интервью с вампиром», доносившиеся до меня как будто из могилы. Снова и снова перечитывал я книгу. Но однажды в минуту непреодолимого гнева разорвал ее в клочья.

Наконец я принял решение.

В окутанном сумерками, освещенном лишь проникавшими снизу городскими огнями офисе, расположенном в одном из небоскребов, я встретился со своим адвокатом — молодой женщиной по имени Кристина. На

фоне стеклянной стены, за которой виднелись туманные очертания огромных, примитивной конструкции зданий и тысячи огней, похожих на маленькие факелы, Кристина смотрелась великолепно.

— Теперь мне уже недостаточно обычного успеха нашей маленькой рок-группы, — сказал я. — Нам необходимо добиться такой славы, которая сделает мое имя и мой голос известными в самых отдаленных уголках мира.

Мягко и спокойно, как это обычно делают все юристы, она посоветовала мне не рисковать благосостоянием. Но по мере того как я с поистине маниакальной настойчивостью продолжал упорствовать в своем мнении, я почувствовал, что она начинает сдаваться, что ее здравый смысл постепенно уступает.

— Мне нужны лучшие режиссеры — создатели видеофильмов о рок-музыке, — продолжал я. — Вы можете отыскать их в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Денег для этого у меня вполне достаточно. А здесь вы без труда найдете подходящие для работы студии. Вам также необходимо нанять самых лучших звукооператоров. Расходы на это предприятие меня совершенно не волнуют. Самое главное, чтобы все было как следует организовано и чтобы мы могли работать в обстановке полной секретности до того момента, когда все наши записи и все наши видеофильмы будут полностью готовы, так же как и книга, которую я собираюсь написать.

В конце концов в предвкушении успеха и богатства у нее закружилась голова. Рука, делавшая пометки в блокноте, двигалась все быстрее и быстрее.

О чем я думал, когда говорил ей все это? О своем беспрецедентном бунте, о вызове, который намеревался бросить всем живущим в этом мире себе подобным.

— Теперь еще несколько слов о видеофильмах, — продолжил я. — Вы должны найти таких режиссеров, которые сумеют воплотить мой замысел. Все фильмы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Центр города. Субботний вечер. XX век. 1984	7
Юность, воспитание и приключения вампира Лестата	
Часть I. Появление Лелио	35
Часть II. Наследство Магнуса	115
Часть III. Причастие для маркизы	221
Часть IV. Дети Тьмы	302
Часть V. Вампир Арман	393
Часть VI. Путем Дьявола от Парижа до Каира	464
Часть VII. Древняя магия, древние тайны	523
Эпилог. Интервью с вампиром	713
Дионис в Сан-Франциско. 1985	745

Райс Э.

P18 Вампир Лестат : роман / Энн Райс ; пер. с англ. И. Шефановской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 800 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-21035-6

Исповедь вампира Лестата, героя «Вампирских хроник», пытающегося отыскать истоки своего вечного существования, встретиться с Детями Тысячелетий, пронесит нас сквозь века и континенты: Древний Египет и Америка XX века, Римская империя и Венеция эпохи Возрождения... Исторически точное и в то же время исполненное безграничной фантазии повествование позволяет приоткрыть завесу над древними тайнами, проникнуть в секреты древней магии, заглянуть в бездну, наполненную страстями, — бездну под названием человеческая душа...

Предыдущий роман писательницы «Интервью с вампиром», открывший цикл «Вампирские хроники» и продолженный романом «Вампир Лестат», стал настоящим событием в мире литературы. Общий его тираж превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЭНН РАЙС
ВАМПИР ЛЕСТАТ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.05.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 35,25.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBB-29966-01-R